

Российская академия наук
Институт археологии

Т Р У Д Ы
II (XVIII)
ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
СЪЕЗДА
в Суздале

Том II

Ответственные редакторы
Академик *А.П. Деревянко*
Член-корреспондент РАН *Н.А. Макаров*

Москва 2008

АРХЕОЛОГИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

О.Б. Беликова

Томский государственный университет

Возможности этнической интерпретации кургана XVI–XVII вв. юга Западной Сибири

Одной из ключевых и сложнейших проблем в изучении позднего средневековья юга Западной Сибири остаётся этническая интерпретация памятников археологии. Каковы основные методико-теоретические подходы этого исследования? Насколько возможно определить этническую принадлежность археологического памятника позднего средневековья, в том числе конкретного кургана или погребения? Обращусь к опыту этнической трактовки всего одного объекта – кургана 1 Зырянского курганного могильника конца XVI–XVII в. из таежного Причулымья. Раскопан рекогносцировочно в 1985 г. на левом берегу р. Чулым (правый приток Оби), в междуречье р. Яя и Кия (левые чулымские притоки), у районного центра Зырянское Томской области.

Репрезентативный материал кургана 1 с единственным коллективным погребением под земляной насыпью, большей частью *in situ*, достаточно необычен для юга Западной Сибири. Основные признаки: совместное захоронение мужчины около 40 лет (косяк 2: всадник, воин, кузнец, возможно, земледелец) и двух женщин – 20–25 (косяк 1) и 30–40 лет (косяк 3); обширное применение огня в ритуале; фиксация мужского и одного женского косяков без черепа; обилие и незаурядность погребального инвентаря, огмеченного 160-ю отдельными местонахождениями; наличие рукотворного скопления с археоботаническими и другими компонентами (около 4 л). Реконструированы некоторые характеристики шаманства. Медиумными лицами определены кузнец (косяк 2) и женщина-шаманка (косяк 1), в практике которых явно превалировали разные обрядовые функции, в том числе у кузнеца – колдовские.

Для выявления этнической принадлежности кургана 1 Зырянского могильника привлекается

комплекс источников. Объективность исследования требует, что из них приоритетно должен рассматриваться сам археологический материал кургана. Его анализ показал присутствие нескольких культурных компонентов. Результаты этнического определения некоторых изложены ниже.

Тюркский компонент реконструирован на основе таких признаков обряда, как оставление рядом с насыпью частей голов минимум от трёх туш лошадей (определены обломок нижней челюсти и 6 зубов) и активное использование огня при сооружении погребения и кургана. Степень воздействия огня на тела умерших различна: косяк 1 – труположение; косяк 2 – частичное трупобожжение на месте захоронения; косяк 3 – неполное трупосожжение на месте захоронения. Применение огня может рассматриваться как свидетельство связи с южными соседями – енисейскими кыргызами XVI–XVII вв. или сохранения традиций местной, то есть среднечулымской группы енисейских кыргызов X–XIII вв. (Беликова, 1996. С. 139–152).

Тунгусский (?) компонент. Предположен на основе находки неординарного латунного набора из 9 накладок. Были зафиксированы *in situ* вдоль косяка 1 приблизительно от середины грудной клетки до середины бедренных костей: лежащими по одиночке, немного изогнутой полосой длиной в 0,5 м. Она могла декорировать нагрудник или верхнюю наплечную одежду. Для этого набора многочисленны аналоги выявлены среди шаманских атрибутов эвенков начала – первой четверти XX в.: по форме накладок (подквадратная), декору (элемент «жемчужник»), мотив «крест»), материалу (цветной металл), общим композиционным особенностям (Иванов, 1954. С. 148, 150. Рис. 44, 1–3, 8; Маски..., 1975. С. 26, 29. Илл. 21, 22, 25, 26, 48; и др.)

Кетский (?) компонент. Выделение кетских элементов в археологии юга Западной Сибири представляет огромную сложность, как, впрочем, и тунгусских. По материалам кургана 1 Зырянского могильника присутствие кетского этнического компонента предполагается опосредованно. Дело в том, что результаты смысловой интерпретации материалов коллективного погребения позволили предположить для двух умерших (костики 1 и 2) те прижизненные социальные функции, которые этнографически зафиксированы именно у кетов: женщина-шаманка и культовое лицо категории банос, среди которых были кузнецы, лекари и пр. При этом у кетов длительно сохранялись пережитки «семейного шаманства» (Алексеев, 1967. С. 127, 189). Добавлю, что исследователи неоднократно отмечали близость похоронного обряда кетов и чулымцев (Б.О. Долгих, А.П. Дульзон и др.).

Правомерность выделения рассмотренных этнических компонентов, которые реконструированы на основе именно археологического материала кургана 1, верифицируют другие источники – письменные, лингвистические, этнографические.

Письменные документы четко определяют расположение Зырянского могильника на территории расселения чулымских тюрков XVII–XX вв. Согласно «Схематической карте ясачных волостей Томского уезда XVII в.» А.П. Дульзона, район Яя-Кийского междуречья, где расположен Зырянский могильник, более всего совпадает с территорией Кызылдеевой волости (низовья правобережья р. Яя) (Дульзон, 1952. С. 84. Рис. 2).

Соответственно же «Чертёжной книге Сибири» С.У. Ремезова, составленной в 1699–1701 гг. и подводящей итог знаниям русских о Сибири, Зырянский могильник максимально близко приближен (со стороны верховьев Чулыма) к границам Адеевой волости. Эти границы определяются в левобережье Чулыма между его левыми притоками: р. Яей (снизу по чулымскому течению) и р. Бирлой (сверху). Как раз в низовьях правого берега Бирлы и был сооружён Зырянский могильник.

Лингвистические исследования А.П. Дульзона показали совпадение территории Кызылдеевой волости XVII в. и границ чибинского говора нижнечулымского диалекта тюрков Чулыма (Дульзон, 1973. С. 17). По его мнению, «чулымские тюрки сложились как особая народность на территории Причулымья путём ассимиляции тюрками селькупского и кетского субстрата – более древних аборигенов Чулыма» (Дульзон, 1959. С. 94). Согласно составленной А.П. Дульзоном карте топонимов бассейна Чулыма (Там же), Зырянский могильник находится в зоне

наложения ареалов кетского субстрата (преимущественно пумпокольского) и тюркских компонентов. «Пумпокольцы называли реку тет. При ассимиляции пумпокольцев тюрками из этого слова возникли варианты: тет, дет, тат, дат...» (Там же. С. 94). В районе расположения Зырянского могильника зафиксировано большое количество кетских гидронимов из пумпокольского наречия (Тондат, Туендат, Медодат, Латат, Итатка и др.), что упрочивает вероятность наличия кетского компонента в материалах кургана 1 этого памятника.

На основе неархеологических источников о пребывании тунгусов в таёжном Причулымье среди чулымских тюрков сегодня можно говорить, для времени, видимо, с XVII в. и вполне чётко – по первую треть XX в. Э.Л. Львова определяет тунгусов как жителей Корюковской волости. По «Схематической карте ясачных волостей...» XVII в. А.П. Дульзона она располагалась на р. Кия (ниже устья его правого притока р. Четь) (Дульзон, 1952. Рис. 2), вблизи от Зырянского могильника. Топонимы, связанные с тунгусами, есть и на Чети (Яранка). Название «Тунгусские камни» имеют кварцито-песчаниковые выходы на левобережье нижнего течения Чулыма на р. Кужербак, хранителями которых до конца 1920-х гг. были два старика-эвенка (Марков, 1953; и др.)

Многочисленны свидетельства о миграциях, проживании эвенков на территории таёжного Причулымья конца XIX – первой трети XX в. Л.А. Уткин, характеризуя Чулымскую низменную равнину (от юрт Тургайских до устья Чулыма), писал относительно начала XX в.: «Сюда приходят кочевники тунгусы с оленями на кочёвки в девственные лишайниковые леса» (Уткин, 1934. С. 349). Известно о проживании их на р. Кемчуг (правый приток р. Чулым) и его левом истоке – р. Большой Кемчуг. Упоминания о том, что тунгусы были первыми поселенцами по Кемчугу, выходы их «на зиму» на р. Большой Кемчуг и проживание их здесь в середине 1920-х гг. зафиксировала Больше-Кемчугская экспедиция августа 1927 г. под руководством А. Блюменау, организованная Ачинским музеем и краеведческим обществом (Розов, 1951. Л. 15 об. – 20). Как предположил В.А. Туголуков, этнографически кемчугские эвенки «составляли одно целое с сымскими эвенками» (1985. С. 261).

Основные выводы. Результаты анализа археологического материала кургана 1 Зырянского могильника и коррелирование их с другими данными позволяют говорить о том, что на левобережье р. Чулым в пределах Яя-Кийского междуречья в конце XV–XVII в. проживало население тюркского облика, в формировании которого, видимо, участвовали

кетский (пумпокольский) и тунгусский этнические компоненты.

Каждый случай этнической интерпретации археологического объекта позднего средневековья из таёжного Причудымья не может целиком полагаться на факт его размещения на территории волостей чулымских тюрков или селькупов XVII–XVIII вв. Процедуре этнической интерпретации археологических материалов любого уровня (комплекс – памятник – группа памятников) должно предшествовать тщательное исследование состава их культурных компонентов.

Алексеев Е.А., 1967. Кеты: Историко-этнографические очерки. Л.

Беликова О.Б., 1996. Среднее Причудымье в X–XIII вв. Томск.

Дульзон А.П., 1952. Чулымские татары и их язык // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Т. 9. Томск.

Дульзон А.П., 1959. Тюрки Чулыма и их отношение к хакасам // Ученые записки Хакасского научно-

исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 7. Абакан

Дульзон А.П., 1973. Диалекты и говоры тюрков Чулыма // Советская тюркология. № 2.

Иванов С.В., 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. (Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 22/М.; Л.

Марков И.М., 1953. К вопросу о «Тунгусских камнях» в Асиновском районе. // Архив Томского областного краеведческого музея. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 198. Томск
Маски народов Сибири, 1975 / Текст и подбор иллюстраций С.В. Иванова. Л.

Розов Н.С., 1951. Река Чулым и томские татары. // Архив Кабинета антропологии им. Н.С. Розова Томского государственного университета. Д. без номера. Л. 15об. – 20.

Туголуков В.А., 1985. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.

Уткин Л.А., 1934. Причудымский край // Труды I Всесоюзного географического съезда (11–18 апреля 1933 г.). Вып. 3. Л.

Л.А. Беляев

Институт археологии РАН

Персональная идентификация погребений и архелогия

1. В конце XX – начале XXI в. в России остро встал вопрос атрибуции останков исторических личностей средневекового и постсредневекового периода. Она продиктована мощным социальным и религиозным движением исторической самоидентификации, поддержанном (отчасти инспирированным) государством. Оно нарастало в 1980–2000-х гг. и находится сейчас, видимо, в высшей точке. Один за другим следуют «заказы» на обнаружение и/или идентификацию исторических погребений: их формулируют государственные органы, общество (например, церковные общины), даже отдельные лица. Исполнение этих «заказов» доверяют пестрым по составу группам специалистов (историки, судмедэксперты, представители естественных наук и др.), но зачастую просто непрофессиональным командам. При этом остается совершенно не узаконенной процедура идентификации исторических погребений и не сформулированы принципы, на которых она должна быть основана. Автор доклада полагает, что в этой процедуре архелогия до сих пор не обрела того ме-

ста, которое ей должно принадлежать. Причина – в традиционном отношении к археологии как к науке о глубокой древности, и в той общей неразберихе, которая наблюдается в сфере идентификации.

2. Место археологии в этом процессе должно быть центральным, поскольку только она способна убедительно и предметно восстановить общую картину событий прошлого, связанную с историей того или иного захоронения. Важно подчеркнуть, что архелогия в целом все меньше отворачивается от насущных задач позднего периода, что уже возникла русская историческая архелогия – раздел, занимающийся эпохой рождения и ранней стадии распространения системных элементов культуры, которая получила условное название русской цивилизации. Более того – сейчас это одно из важных направлений: в России оно чуть ли не единственное непосредственно изучает корни ныне существующего народа и его страны (см.: Беляев, 2006; Черная, 2007; Черная, 2008). Таким образом, методика выделения и атрибуции погребений, а также идентификация их с личностями, о жизни или